

The background of the cover is a painting of a vast, turbulent sea under a cloudy sky. In the distance, a small ship is visible on the horizon. The waves are dark and powerful, with white foam at their crests. The overall mood is dramatic and somber.

Вера Маленькая

Однажды в Коктебеле

сборник

Вера Маленькая

Однажды в Коктебеле. сборник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19207044

ISBN 9785447493233

Аннотация

В сборник вошли повесть «Однажды в Коктебеле» и рассказы. О странностях любви, о поисках мира в душе, без которого это прекрасное чувство легко разрушить, а значит, страдать, каяться, надеяться на прощение. Или не надеяться, забыть!

Содержание

Однажды в Коктебеле	5
Предисловие	5
Глава 1. Артистка	8
Глава 2. Владимир	15
Глава 3. Рыжая Лена	23
Глава 4. Не жена. Не любовница	35
Глава 5. Ленечка	45
Глава 6. Зеркало	54
Глава 7. Лара	64
Глава 8. Бабочки	72
Глава 9. Инга	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Однажды в Коктебеле
сборник
Вера Маленькая

© Вера Маленькая, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Однажды в Коктебеле

повесть

Предисловие

Она давно не была в России. Лет двадцать пять... Дом, муж, дети. И вдруг потянуло, потянуло, в Коктебель. На час, на два! Постоять на берегу, вспомнить себя летящей, хохочущей, бегущей у самого моря. Он ее всегда догонял, брал на руки и не выпускал даже в воде. Романтик с мягким, чуть грустным взглядом. Мужчина с чувственными крупными губами, русыми волнами по плечам, смелыми руками. Уже известный писатель, лирик. Любимый, от которого она ушла с другим, потому что другой обещал роль в кино. Не догнал! Не пытался удержать. Впрочем, она ведь сбежала тайком. Страдал, ей говорили. Она бы вернулась. Не звал... Почему – то не звал. И любил, точно знала! Вернулась бы. Дом, муж, дети... Сейчас уже поздно, но так хочется порой его тепла, обожания, нежности. Обнять бы за теплую шею и прошептать: «Прости».

Давно провинциальный город, в котором она жила, отмечал какую – то важную дату и приехали писатели, актеры. Маститые, знаменитые! Ей удалось пробиться во Дворец

культуры. Стояла сбоку у сцены и не отрывала глаз от этого с синим, мягким взглядом. Когда его представили, зашлось от волнения сердце. Только что прочитала его роман. Загадочный, как Вселенная! О любви, ласковой, как шелк, и колючей, как шипы роз. Подойти не посмела. Но был Коктебель, был... Распахнутое окно в номере, ветер с моря. Легкое, утомленное ее тело. И неутомимое его. Был Коктебель!

До самолета оставалось время. Она купила книги в одном из московских центров. Удивилась, что он все еще пишет и издается. Лирика не в моде. Пролистала с нетерпением. Тогда он обещал написать книгу о них, о ней. Не нашла. Может, не в этих изданиях живет та сладкая любовь, а, может, обида была слишком горькой. Юная, глупая! Самоуверенная!

К вечеру будет в Коктебель, а потом опять чужая страна, дом, муж, взрослые дети. Все хорошо, но как жаль, что нет в его книгах дурмана тех южных ночей, нет ее юности. На фотографиях он такой же. Только волосы поседели и уже не волнисты. Возле чувственных губ складки. Взгляд мягкий, с печалью. Грусть уступила место печали. Милый романтик. Не встретиться, уже не встретиться.

Не дано ей знать, что он совсем рядом, в Подмоскowie. Мучается над последней главой не романа, всего лишь небольшой повести, самой трудной и важной в его жизни. Перечитывает, волнуется, плотнее кутает в теплый плед зябнущие ноги. И ворчит на дочку, когда она просит не увлекаться. А он увлекся, он там среди тайн и страстей. Среди

странных, пленительных женщин и сильных мужчин. Там!

Глава 1. Артистка

– Театр одного актера, – шутят коллеги.

– Актриса фигова, – вздыхает подруга.

– Артистка, артистка, – восхищается дочка, – да, мамуль, да!

Только муж не говорит ничего. Варит по утрам овсянку, кофе, приносит в постель и целует в теплую белую шею. Жалеет и любит. И никогда не называет ее артисткой. Однажды они загорали у реки. Она посмотрела на худенькие свои ноги, на руки в веснушках и заплакала.

– Ты что? – испугался он и она прошептала, слизывая с губ соленые слезы: «Я страшная, а хотела быть артисткой. Страшная!»

– У тебя есть шарм, – сказал он, – это больше, чем красота. Запомни. А театра хватает в жизни.

Они лежали на горячем песке. Слезы высохли, но она еще всхлипывала. И думала, что он, наверное, прав. Театр в ее судьбе уже был, а вот настоящая любовь впервые. Впервые... Только потом она предаст то жаркое лето, тот песок, прилипший к коже. Он был на губах, когда они целовались, на груди. На маленькой ее груди. На загорелых его плечах. И кружил над ними веселый ветер, и пела какая – то птица. И она забыла тогда, что страшная, уродина конопатая. Растворилась в мужчине, в упрямой и нежной его силе. Предаст. Он

и не поймет даже, а она будет играть в роман, в любовь с другим. Играть... Артистка! Слово, как хлыст по сердцу.

От боли и изменит... Она пьет чай, а любовник кофе. В уютной кухне подруги. Постель уже была. У него с иступлением, у нее с игрой в экстаз. Обычно он приезжает на час, сегодня надолго, но до возвращения подруги надо уйти.

– Есть разговор, – говорит он, слегка смущаясь.

Смущение забавляет. Ее, такую стильную. Где та речка, смешные тонкие ноги? Песок на соленых от слез губах? А – у – у – у... Высветленная прядь закрывает морщинку на лбу. Высветлены веснушки. Ноги упругие, стройные. Каждое утро на велосипедах, с мужем. Так он ее приучил. Легкая усмешка в холодном сером взгляде. Любовник ей нравится. Если бы спросили, за что, она бы ответила: «За красоту». Это любят без условий и условностей, а нравится может только что – то определенное. Костя яркий брюнет с белозубой улыбкой. Она им любитесь, а экстаз... Ну что экстаз? Нет и нет.

– Зачем он тебе? – не выдержала однажды подруга. Не любишь!

– Для имиджа, – рассмеялась она, – для куража!

– Актриса фигова, авантюристка. На острые ощущения потянуло.

Ничего она тогда не ответила. Какие там острые? А вот не скажет никому. Никому!

– Что у тебя случилось? – спрашивает она Костю.

Ах, деньги нужны. Вот в чем дело. Много! Он ведь давно мечтает о машине. Обещает вернуть через год. Она не жадная, дала бы, да где возьмешь? Они сами на велосипедах. У него горят глаза. Он целует руки: «Пожалуйста, Лелечка. Придумай что –нибудь. Ты умеешь». Что она придумает? В стране кризис. Зарплату мужу не платят. У знакомых таких денег нет. Иномарок подержанных много, да. Ну и что? Глаза у него горят. Ничего, обойдется!

Ночью ей не спится. Костю не жаль. Просто вдруг азарт – найти деньги и подарить машину мужу. Она хорошо зарабатывает, отдадут! Можно смотаться в Польшу за шмотками. Надо все узнать. Коллеги ездят... Они дружно хохочут, она не понимает почему, обижается. Вечером звонит одна из сотрудниц:

– Ольга Сергеевна, это не для вас. Вы ведь без макияжа и шпилек мусор не вынесите, а дорога тяжелая. Да и зачем вам?

Ну, что они о ней знают? Нашли кого пугать? Не белоручка, на стройке работала штукатуром. Ни грязи, ни пыли не боялась. Ничего не знают! И не надо, не надо, а деньги она найдет. Вот придумает роль и найдет... Опять эта навязчивая идея с ролью. Как избавиться? Мучительно же все время представлять себя на сцене. Муж когда – то сказал, что театра хватает в жизни, но это не тот театр. Не из ее мечты. Но она в нем играет, играет...

Если бы не тот эпизод в детстве. В прекрасном ее детстве, чистом, как родниковая вода. Было же, было – аромат земляничных полей, клеверного поля, по которым она любила пробежаться, а дома остановиться у большого старинного зеркала и рассмеяться... Губы синие от черники. И веснушки, веснушки, но она себе нравилась. Было, было! Вся деревня называла ее красавицей или ласково Оленькой. Мама хвалила. И она старалась. Полола и поливала огород. И готовить умела, а вечерами подолгу читала. Как же ее восхищала Наташа Ростова! И все знали, что станет артисткой. Будет даже лучше Татьяны Дорониной, у которой такое белое красивое лицо, такие пышные волосы.

– Израстешь, – говорили в деревне, – и, конечно, будешь лучше.

Было, было!

Только кончится золотое детство и начнется другое, с криками во сне, со слезами, таблетками. Если бы она тогда не пошла купаться. На пруд, недалеко от школы. Если бы...

Годы прошли, а память болит и мается. Вот она плавает, плещется, весело визжит, подплывает к цветам, чтобы коснуться лепестков и прошептать: «Я вас так люблю». Шепчет и чувствует, как к ногам прилипают пиявки. Не боится. Долго ли отодрать? И неожиданно слышит веселое:

– Девочка, ты разговариваешь с цветами? Общаться надо с людьми.

Рядом плавает учительница. Она в их классе не препода-

дает. Что ответить, Оля не знает. Просто говорит: «Здравствуйте». И краснеет.

– Ты плохо плаваешь. Хочешь, научу?

Учительница смешливая, молодая и тоже не боится пивок. Потом они отдерут их вместе, немножко подрожат на берегу, потому что солнце уйдет и станет вдруг холодно.

– Давай – ка напою тебя чаем, – предложит учительница, – а то простынешь, пока добежишь до дому.

Оле хочется сказать, что она никогда не простужается. И мама, наверное, уже ждет, но молчит. Это же учительница. Учительница! Она послушно идет рядом. Все, что было потом, как сон... Сон, сон, сон! Вот они пьют крепкий, очень сладкий чай. С душистыми травками. Мама такой не заваривает, не умеет, наверное. И все хорошо. Учительница такая простая, о маме спрашивает, о классе, подругах. Уходить не хочется. И обгоревшую на солнце спину она учительнице, конечно, намажет. Неловко, но просит же, краснеет даже. Смущается, понимает Оля. Сон, сон! Вот Оля помогает учительнице снять сарафан... «Втирай аккуратней, быстреей и мягче, ручки у тебя ловкие, – говорит она почему – то хрипло, – а потом намажем тебя». Оля знает, что ее не надо мазать, давно загорела. Но это же учительница! И, краснея, расстегивает пуговицы на кофточке.

– Так кем ты хочешь стать? Ах, артисткой! У артистки должны быть фигурка, ножки. Разденься. Не рассмотрела тебя у пруда. И не бойся, а плечики надо кремом. Сгорели. Иди

сюда! Иди...

Нет, Оля ни за что не снимет купальник. И вообще сейчас убежит. Что придумала эта учительница? И как стыдно, стыдно, а ведь только что было все хорошо. Мягкие ладони держат крепко, что – то учительница еще говорит, а голос дрожит, срывается. Грудь ее совсем рядом с губами Оли: «Ты поцелуй. Вот эту». Она сумасшедшая, сумасшедшая. Учительницы совсем другие! Оля отчаянно вырывается, царапается. Ее тошнит.

– Уродина конопатая, – пронзительно кричит вдруг учительница, – никогда ты не станешь артисткой. Уходи, убирайся. И забудь, забудь!

Одевается Оля стремительно, летит к двери, а эта сумасшедшая плачет. Эта сумасшедшая бормочет: «Что я надделала, мамочка? Лена, что я надделала?»

Сон, сон, сон... Она никому не рассказала, даже маме. Стыдно о таком! И больше не смотрела в зеркало, не радовалась солнечным полянам, зимой не вставала на лыжи, не искала в лесу Деда Мороза. И тосковала, тосковала. Никто не спрашивал, что с ней случилось. Задумчивой стала, так ведь взрослеет. Ночью никто ее криков не слышал. Только мама. А к врачу идти отказалась.

Случилось это в тринадцать лет. В четырнадцать поступила в училище. Куда же еще? Волшебная мечта улетела, на осколки разбилась. Оставила с отчаянием, робостью, страхами. Какой театр, какое кино? Прощайте, Джу-

льетта, Наташа Ростова, Офелия, Дульсинея... Прощайте! На стройке работала, штукатуром. Старательно, молчаливо. Там же робко влюбилась в парнишку, который называл ее Несмеяной и ласково шутил: «Когда веснушки твои считать буду?» Она так долго стеснялась. Лицо прятала... За руку в институт привел: «Надо, Оля». Все – равно ей было, на юриста, так на юриста. Лишь бы рядом был, а тогда, на берегу, он так волшебным образом над ней колдовал и она расцвела. Как она расцвела! Особенно после родов. И все бы хорошо...

Только в душе что – то напрягалось, требовало выхода, не давало покоя. Стала придумывать роли. Разные! Сегодня кокетка, завтра деловая или эпатажная дама. Принцесса или королева. Очарованная или разочарованная. Артистка! Но когда так называли, кричала мысленно: «Молчите, молчите!» А перед глазами учительница, обнаженная грудь. И жестокое: «Уродина конопатая». Так бы и вцепилась в лицо, плюнула в бесстыжие глаза. Так бы и... Это сейчас, если бы встретила. Тогда из класса на переменах не выходила, а в дневнике появились двойки, двойки...

И предала от боли. Отвяжется эта роль, появится другая. Закрутит в навязчивом хороводе. Зазеркалье! Впрочем, не думать об этом, не думать. А вот, где взять деньги? Шальная мысль придет неожиданно. У богатого, с массивной золотой цепью на шее. Не знакома с таким. Так надо познакомиться. Город невелик. Все на слуху. Роль с интригой и риском. Такой у нее еще не было.

Глава 2. Владимир

Выберет молодого, семейного. Из тех, кто не столь давно торговал сигаретами на вокзале. Нет, в офис его она не пойдет. Сначала звонок. Сердце стучит, а голос спокойный. Он не понимает, кто, зачем, какая встреча?

– Вы мне очень нужны, – говорит Ольга, – по личному делу. Я узнала, вы хороший человек. Не бросайте трубку, пожалуйста.

Как же, будет он слушать! Мало ли кто, мало ли что... И тогда Ольга звонит снова. Называет номер своего рабочего телефона. Он наберет его к вечеру. Догадается, навел справки. Так даже лучше. Организация престижная.

Приедет раньше. Узкая улица, тусклые фонари, ни одного прохожего. Но азарт же, азарт! И платье изящное, сиреневое. Серебряные серьги кольцами. Не страшно. Это же роль. Лучше бы на сцене, не в жизни. На ослепительной сцене, где кипят страсти, где Наташа Ростова, Офелия, Дульсинея. Не думать об этом, не думать! Иначе опять тоска... Черная иномарка остановится на другой стороне улицы. Охранники в спортивных костюмах, а хозяин в строгом темном.

– Хорошо, что не в малиновом пиджаке, – облегченно вздохнет Ольга, – мужчина, как мужчина. Так проще. И не верзила. Так спокойней.

– Деньги? – удивится он, – будешь шантажировать? Сме-

лая.

– Мне в долг, на один год, под расписку, – она смотрит ему в глаза, – машина хорошая уйдет, а денег нет. Понимаете?

Не понимает. И не верит, что вот эта элегантная дамочка сама по себе.

– Хочу подарить мужу, понимаете? – Так любишь? – Так люблю...

– Ну, и люби! Счастливый.

Развернется, пойдет к машине. Она останется одна на темной улице. И неожиданно расхохочется и спадет напряжение. А чего она хотела? На следующий день он вдруг придет к ней на работу, привезет деньги. Пригласит в ресторан, пообедать. И скажет: «Не встречал таких отчаянных. Если что, звони». Ольга подумает, что нет никакой смелости. Просто роль. Если рассказать, не поверят, что на такое способна. Хоть и называют артисткой, а не поверят.

У любовника злость во взгляде. Не достала денег. Не помогла. Красивый, стройный. Что же он так орет? Она ведь ему ничего не должна, ничего не обещала. Не хочет ее больше видеть? Да и не надо. Он всего лишь партнер по роли. Мужчина для имиджа! Был... Хотя могла бы помочь, могла. Муж о машине и слышать не хочет. Ольга только осторожно намекнула и замолчала. И, правда, какая машина, если ему не платят? Она бы выкрутилась, но лучше не рисковать, а деньги вернуть. Азарт закончился. Надо пожить спокойно. До новой навязчивой мысли. Но приснится тот пруд. Без кув-

шинок, заросший тиной. И учительница! Стоит на берегу, смеется и зовет Олю, зовет, а она убежать не может. Прыгнула бы в пруд, уплыла, спряталась в ивах, только учительница за руку крепко держит.

– Ты что, Оленька? – всполошится муж, – плачешь во сне, кричишь.

– Кошмар приснился, – ответит она, – ты спи, Игорь. Я на балкон, подышу. Они придут на балкон, муж и дочка, обнимут, погладят и Ольга подумает, что вот только эти родные люди и есть не роль. Настоящее! Все остальное, словно из чужой жизни. Даже подруга, а мамочки уже нет... Дочка беленькая, с веснушками. Веселая. Утреннее солнышко! Артисткой Ольгу называет, стоит только запеть, а поет хорошо, душевно. Голос красивый и сильный. Артисткой называет. И не знает, как это больно. Не сбылось же.

Не сбылось! Чуть психопаткой не стала, людей стыдилась. Казалось, что только на нее, уродину, смотрят и знают, знают об учительнице. Вот купить пистолет, покупают же где – то, и пристрелить эту гадину. Пристрелить! Желание агрессивно, острое. Ольга понимает – не роль. Боль, которая все извратила. Найти гадину эту... Да, куда она могла деться? В той же, наверное, школе.

Через неделю узнает – в той же. Не роль! Взбаламутил тот сон, растревожил. Страх нет. Вместо пистолета охотничье ружье мужа. И билет на поезд уже куплен. Будь что будет. Только вот деньги надо вернуть Владимиру. Владимиром зо-

вут этого мужика. Офис на соседней улице.

– Не потребовались? – удивляется он, – а что так? Если машина ушла, так это ерунда. Другую найти несложно. Может, и ты мне однажды поможешь. Наслышан уже, юрист ты грамотный.

Ольге вдруг хочется выпить водки. Он наливает. Рука у нее дрожит. Стакан падает на пол. Жесткое: «Рассказывай!» И она расскажет. Все! О том, что пристрелить хочется, тоже.

– Тебе, Оля, сейчас чего не хватает в жизни? – спросит он так проникновенно, словно дружны сто лет, – с мужем мир и любовь, дочка, работа престижная, квартира хорошая, одета с иголочки, эффектная, молодая. Я вот к тебе проникся. Что не сбылось, как у женщины? Оргазма нет?

– Есть, – всхлипнет она, – с мужем.

– Других и не надо, – улыбнется он, – а ты страдаешь. Учительница извращенка, конечно, но забыть пора, а вот выговориться давно надо было. Неоконченные дела детства, так кажется. Хочешь, с хорошим психологом познакомлю?

– Ничего ты не понял, – раскричится она и хлопнет дверью. И через несколько дней сядет в поезд. Ружье не возьмет. С ним можно приехать в другой раз. Сначала посмотреть в глаза.

Здание школы почернело, облезла краска, выбиты стекла. Сгорел дом, в котором жили молодые учителя. И пруд зарос тиной. Только несколько кувшинок скромно цветут там,

где когда – то купалась. До деревни от школы недалеко. Вот и дом, в котором они с мамой жили. Родной и чужой, потому что продан, но ее должны помнить. Интересно, сохранилось ли старинное зеркало? Зеркало, которое знало все о ее мечтах, в котором отражалось веселое, озорное лицо в конопущках. Оно видело, как она играла Наташу Ростову, Джульетту... Ему нравилось!

– Оленька, – узнает хозяйка, – красавица. Не изменилась совсем, только веснушек нет. Изросла!

Ольга останется до утра. Вечером соседки придут, поахают, похвалят, вспомнят, что в артистки хотела. Не получилось? Да и ладно. Главное, чтобы семья была. О заботах своих расскажут, о школе, учителях.

– Молодая была, с черной косой. Эта где? – спросит, скрывая волнение.

Как они о ней уважительно! Директор школы, подумать только. Но она с ней разберется. Завтра... Лето, школа закрыта, значит дома.

Полная женщина полет грядки. Ноги в венах. Лицо отечное. Короткая стрижка, седые пряди. Ольга называет имя учительницы, просит пригласить. Она же не перепутала дом.

– Слушаю вас, – говорит женщина.

У Ольги перед глазами другое лицо. И в мыслях не было, что оно может быть другим, старым. Сколько ей? Сорок пять, пятьдесят? Она ведь хотела плюнуть в глаза той, красивой, молодой и бесстыжей! У этой глаза усталые, хотя

и в пятьдесят еще можно быть молодой.

– Я ошиблась, – говорит Ольга.

Какая месть? Какое ружье? Они смотрят друг на друга, цветущая, яркая Ольга и учительница, которую безжалостно не пощадило время. В усталых глазах мелькает любопытство, изумление, но Ольга уже уходит. Уходит быстро. И долго еще сидит у пруда. Не сбылось и уже не сбудется. Прощайте, прощайте, Наташа Ростова Офелия, Дульсинея и Анна Каренина! Давно поняла, не «уродина конопатая» было самым страшным. Они со сверстниками обзывали друг друга грубей, а через минуту уже смеялись. Мир пошатнулся, когда учительница сказала: «Поцелуй». Когда захлестнула волна стыда, растерянности и страха. Все сплелось в ядовитый клубок, который не смогли распутать даже любовь, даже семья. Все отравляло и жалило. Теперь – то она знает, травма психологическая. Мамочка бедная плакала, не понимая, что происходит. Мамочка, которая так рано ушла. Лучше бы она тогда рассказала и все бы сложилось иначе, без навязчивый идей.

Горят щеки, как же они горят! И сердце стучит у горла. Надо раздеться, зайти в воду, раздвинуть зеленую тину, умыться, добраться до кувшинок. Она здесь одна, нет никакой учительницы. Нееееееет! А, может, и не было. Сон, сон, сон! Разбудил бы кто... Пиявки липнут к телу, вода затхлая. Ее тошнит. И вдруг вспоминается муж. Когда у нее проблемы, он говорит: «Остынь, Оленька. Ничто не стоит твоих

страданий». Говорит и целует ее шею. Остыть надо. Зачем она только сюда поехала?

Рядом останавливается машина. Ольга вздрагивает от неожиданности. Голос знакомый. Владимир!

– С тобой не соскучишься. Вспомнил, что пристрелить грозилась. Отчаянная! Мало ли. Едва эту деревеньку нашли.

– Я тебе кто? – кричит она, – чего заботишься? Вот утону сейчас в этом вонючем пруду.

– Не каждый день мне душу открывают, – отвечает он спокойно, – ответственность появляется. Вылезай из пруда, вся в тине и пиявках. Артистка!

Он отдерет пиявок, обольет чистой водой из бутылок, разотрет махровым полотенцем, оденет, заставит выпить чаю из термоса, а в машине тихо скажет: «Оля, я тебе, никто, но ты послушай. Не сбылось, только жизнь продолжается. И у меня не сбылось. Девушку любимую потерял, военным не стал. Смириться надо. И сделать все, чтобы у дочки сбылось, а надрыв пройдет».

– Трудно смириться, – всхлипнет она, – предназначение не случилось, понимаешь?

– Тебе что, сам Господь указал на него? – разозлится он.

– Мне да, – ответит она, – сердце от радости заходило.

– Вот окуну сейчас головой в этот пруд, – рассмеется он, – чтобы посмотрела потом на солнышко и обрадовалась. Жизнь – то одна, Оля!

– Одна, – повторит она, – потому и жаль несбывшееся.

Проедем к деревне, я покажу тебе эту тетку. Он посмотрит на нее с жалостью.

– Как же тебя заклинило на этом несбывшемся. На этой тетке. Кстати, не сбыться могло и без учительницы. Просто не поступила бы. Часто такое случается. К психологу, Оля, надо. И пьесы попробуй писать. Это тоже театр. Что ты удивляешься? Я бы писал.

Ей захочется сказать, что нечего ее учить, сама разберется, а он всего лишь самоуверенный малиновый пиджак. Захочется, но не скажет. Не почувствует, как Владимир обнимет ее за плечи и будет стоять рядом, пока она не придет в себя, пока не прошепчет: «Отвези меня домой. Я так устала. И в деревню, попрощаться!» Оглянется на пруд, на кувшинки, до которых так и не доплыла. Подумает вяло и неожиданно, что интересный бы получился сценарий. Можно попробовать. Только попробовать!

И будет длинная дорога домой. Машину поведет охранник, а она уснет у Владимира на плече и увидит себя веселой, конопатой. В старинном зеркале. Девочка озорно тряхнет светлыми волосами и кому – то невидимому скажет: «Я все поняла. Не надо бояться. Я Оленька! Не уродина, нет!» В зеркале мелькнет вдруг яркое солнечное пятно. На миг! А Ольга во сне почувствует, как тихо и спокойно вздохнет душа. И это будет не роль, не роль...

Глава 3. Рыжая Лена

Перед зеркалом Алла Юрьевна стоять не любит. Причесаться, губы слегка подкрасить, а больше и незачем. О чем оно ей расскажет? Об усталом взгляде, о рано поседевших волосах... Коса когда – то была до пояса. Так нет ее давно. Нет! Правда, в другом, старинном и потускневшем, иногда мелькнет яркое, веселое пятнышко. На миг!словно солнечный зайчик. Чудеса... Зеркало стоит в просторных сенях, где всего лишь крохотное оконце. Какие зайчики? Выбросить бы, да соседи подарили, когда она переезжала в этот дом из унылого учительского. Директором школы ее назначили. И совхоз купил вот этот, сухой, светлый, добротный... И зеркало, подарили. Давно это было. Ребенка она ждала. Никто и не знал. А началось все с земляничной поляны.

Оглянешься в прошлое и увидишь себя красивой, с корзинкой в руках... Спортивные брюки, футболка, кеды. Волосы перехвачены узенькой алой ленточкой. Глаза черные цыганские, губы яркие, пухлые. По ягоды она тогда шла. В лес, подальше от школы, от учительского домика, в котором затхло и сыро. В лес, в лес! От коллег, от разговоров о школьных проблемах. Каникулы, отпуск. Чего о них говорить? В лес, к прозрачному роднику с ледяной водой, к поляне, где зреет душистая, нежная земляника. Идти далеко, но в радость.

Руки исцарапаны еловыми ветками. Не больно. И хочется,

как в детстве, закричать: «Л – е – е – е – е — е — н — а — а — а!» И представить, как из – за густого ельника вихрем налетит чудо, большое, пушистое, рыжее. Подхватит на руки, закружит, расцелует. Чудо зовут Леной. Она берет с собой семилетнюю Альку в лес, на реку, на пруд. В селе говорят, что Лена с приветом. Но какое Альке дело до приветов. Она и представить не может, как он выглядит. Бегаёт и бегаёт за Леной целыми днями. Худенькая мама только машет рукой. Кроме Альки в семье одиннадцать детей. Младшему два месяца. Алька часто ночует у Лены. Мама разрешает. А чего бояться? Живёт Лена с бабушкой, крикливой, но доброй. Накормят. Выспится в теплой постели. Лучше, чем дома, где дети постарше спят на полу, под старыми одеялами, на жестких матрацах. Чего бояться? Теплое, пушистое, рыжее... Лена, Ленусенька! Алька разомлеет от оладий с вареньем и медом. Ласковые руки перенесут на кровать. Она прижмется к ночной сорочке в цветочек, большому, мягкому животу рыжеволосого чуда. Счастье и сон безмятежный. Счастье и сон... Под тихое мурлыканье Лены. Под нежное касание ласковых рук. Однажды услышит, как мамина подруга ворчит:

– Не пускала бы Алю к Ленке. Набалует. С приветом же.

– Да ладно тебе, – отмахнется мать, – Ленка добрая. Мне спокойней, Алька такая шустрая. Да и какой привет? Подумашь, два класса всего осилила. Плохо без родителей. Болтаются по свету, а бабушка, что смогла... Замуж бы ей!

– Кто возьмет – то дурочку? – вздохнет подруга, – а ведь

красавица.

Алька прибежит на ферму, где Лена помогает дояркам, возьмет в тоненькие пальчики ее большую руку и прошепчет:

– Не переживай, я стану учительницей и всему, всему тебя научу.

– Ладно, – рассмеется Лена, – расти быстреей.

Через год Лена выйдет замуж за веселого, кудрявого, хромого Колю. Алька сначала не огорчится. По – прежнему будет прибегать к знакомому дому с букетиком незабудок, горсточкой ягод. Только все изменится... Изменится! Каждый вечер она будет тихо сидеть за столом, сжав ладошки, и ждать, когда подойдет Лена и она уткнется носом в большой, теплый живот, а Коля уйдет, потому что она главнее. Это же ее Лена. Ее! Не уйдет Коля, а Лена не подойдет, как раньше.

– Сколько можно? – прикрикнет однажды Коля, – надоело.

Лена проводит Альку за калитку, погладит по плечу и скажет:

– Мы с тобой по грибы скоро пойдем. Потом за клюквой. Ты не плачь. Коля хороший. Если не веришь, спроси у бабушки.

Алька вырвется, побежит, не разбирая дороги. Заберется в кусты сирени и будет долго, без слез, тихонечко выть. И придумает мечь дядьке, который украл у нее Лену. Ка-

мень ударит Колю в поясницу. Его надолго отправят в больницу. И никто не поймет, что это сделала Алька. Никто, кроме Лениной бабушки, которая придет к маме и будет долго с ней говорить. Алька подслушает и поймет страшное: Коля написал заявление в милицию, которая во всем разберется и ее, Альку, поставят на какой – то учет. Мама горестно вздохнет, закажет переговоры с сестрой и скоро увезет Альку в далекий южный город. Перед отъездом она прибежит к Лене, обнимет и задохнется от волнения.

– Живот – то еще больше стал, – похвалится Лена, – ребеночек растет. Если девочка будет, Алькой назову, а мальчика Аликом. Ты поезжай. Не бойся. В городе лучше. Встретимся еще.

Алька почему – то точно знает, не встретятся. Чудо украдено навсегда.

В лес, в лес! Еще дальше... Не выбежит из – за ельника рыжая Лена. Не вернется детство. Да и не надо. Маму жаль. Как она управлялась с такой оравой? Отец ведь ушел к другой. Алька об этом узнала не сразу. Мама была спокойной, ласковой, но ее не хватало. Как ее не хватало! Наверное, она была в миллионы раз лучше Лены, но разве разберешься в прошлом? Вот и она не разбирается, не судит. И не Алька она, а Алла. Так решит тетка. Не добрая и не злая. Чужая! До сих пор помнится этот холод... В жарком городе, у теплого моря. В городе без друзей, потому что тетка не позволит гулять со сверстниками, ходить с ними в кино,

к морю. Только с ней. За руку! И про камень будет напоминать. Будет! И про какую – то дурную отцовскую наследственность. Но однажды Алька убежит к морю одна. И поймет, что это еще одно чудо. Счастье и чудо. Уплывет до буйков и подумает, что жизнь только тогда прекрасна, когда ничего не боишься и радуешься, радуешься! От тетки влетит, но это уже не будет иметь значения. После окончания школы уедет в северный снежный город. Поступит в институт, станет учительницей и приедет в эту деревню.

В лес, в лес! Вот и родник. Вода прозрачная, ледяная. Алла встает на колени, с наслаждением пьет, умывается. Озорно улыбнувшись, скидывает одежду, плещет воду на плечи, на грудь, на бедра. Громко вскрикивает. Кто тут услышит? Обсохнув, добирается до небольшой поляны. В этих местах земляничных мест много, но так далеко редко кто заходит. Земляника сочная, крупная. Много цветов. Тепло, душисто, легко. Хочется лечь на землю, распустить косу, раскинуть руки, закрыть глаза. Вдохнуть запахи травы, земляники... Блаженство и сон. Блаженство! Она не видит большой, темной тучи, не чувствует ветра. И вдруг гром и кто – то стоит рядом, смотрит. Рубашка в клеточку, корзинка, растрепанные светлые волосы, широкие скулы.

– Отвернись, – просит она, – что ты уставился? Я оденусь.

Дождь уже крупными каплями, с градом. Серые, глубокие глаза совсем рядом.

– Я тебя прикрою. Не бойся. Вместе не страшно.

Дождь хлещет. Алла лежит покорно. Не выбраться из под сильного тела, будь, что будет. Но что он такое с ней делает? Она сейчас закричит... И кричит! И теряет сознание. Когда приходит в себя, его рядом нет. Тело тихо, истомно вздрагивает – на мокрых цветах, на раздавленных ягодах земляники. На небе яркая радуга. Сон или явь? Корзинка чужая рядом. Значит явь...

Ладонь с сочными ягодами у самых ее губ: «Для тебя, богиня!» Она не смотрит в его глаза, резко отводит руку: «Пошел вон!» Голая идет в лес, одеться! Кто – то ахает в кустах. Какая разница, кто. В постель бы скорей, согреться и поплакать. Через месяц поймет, что беременна. Не будет сомневаться, рожать или нет. За тридцать уже, чего ждать? Не случился в жизни Принц на белом коне, да она и не мечтала. Не мечтала и все, а почему, кто его знает. Новый дом приобретет, приготовит. С теплой нежностью, ожиданием. Черные глаза засияют.

– Настоящей красавицей стала, – скажут коллеги. После родов помогут, а как иначе? Родных ни разу не видели, может, и нет их. Сама ни к кому не ездит. Одной тяжело.

Мальчика назовет Ленечкой. И будет рада, что живот и грудь располнеют. Ленечка полюбит засыпать возле нее, как когда – то она возле рыжей и теплой Лены. Вспомнятся иногда мокрые примятые цветы, сильное тело мужчины. Вспомнятся и забудутся. У каждого своя судьба. Самое главное Ленечка, сын... Сыночек.

Незачем ей долго смотреться в зеркало. Для школы строгие темные костюмы, белые блузки. Для дома теплый махровый халат. Для огорода что –нибудь старенькое. Не для кого наряжаться. Ленечка приезжает редко: Москва, работа. На всем сэкономила, чтобы университет закончил. Какие зеркала, какие обновки? Зато есть чем гордиться. Все у нее в жизни нормально. В школе порядок. Строга, но справедлива. Все хорошо. Только лет пять назад тревожно забилося сердце. Узнала в той красавице с высветленной рваной челкой конопатую девчонку, с которой однажды купалась в пруду. Испугалась не того, что расскажет, а ненависти в глазах. Сколько лет прошло! Все забыть пора. Впрочем, она ведь тоже не забыла. Когда забеременела, на коленях просила Господа, чтобы простил ей тот грех, тот день. И безумный тот час. Как же тяжело вспоминать!

Вот она плавает в пруду, а рядом худенькая девочка. Руки их одновременно тянутся к кувшинкам. И вдруг перед глазами другой пруд, веселое лицо большой рыжей Лены. Она учит ее плавать. Алька молотит ногами по воде и все время боится, что Лена отпустит руки. Не отпустит! Отдерет пиявок. И они побегут пить чай из большого пузатого самовара, к Лене. Бабушка поставит на стол ежевичное варенье, нарежет большими ломтями хлеб, уйдет поливать огурцы. Лена смажет простоквашей Алькины плечи, а потом скинет одежду и Алька замрет от восторга. Золотое, пушистое, рыжее! Рыжее, золотое, розовое...

– Ты чего застыла? – удивится Лена, – мажь мою спину. Сгорела вся.

Алька боязливо протянет ладошку к крупному розовому соску.

– Не видела? – снова удивится Лена, – у мамки твоей такие же.

Алька замотает головой. У мамы грудь с синими жилками, а соски некрасивые, темные.

– Трогай, – великодушно разрешит Лена, – потом свои вырастут.

Алька таращит глаза.

– А молоко в них есть?

– Так попробуй, – смеется Лена, – я не знаю.

Алька прикасается губами к розовому чуду. Молока нет.

– Щекотно, отстань, – визжит Лена, одевается и наливает в чашки чай.

– Почему, когда у мамы рождается ребенок, молоко течет струйками? – задумчиво спрашивает Алка. Лена пожимает плечами. А у кого тогда спросить?

Алька долго не может прийти в себя. Такое чудо будет у нее. Она никому не расскажет. Потом, когда станет, как Лена, его потрогает кто –нибудь...

К восемнадцати станет высокой, яркой, с маленькой грудью, коричневыми острыми сосками и с тревогой будет думать, а прикоснется ли кто – то к таким, восхитится ли? Не чудо, нет! Ни в кого не влюбляется. Ни с кем не целует-

ся, а рыжая большая Лена все еще снится. И если мелькнет вдруг на улице ворох рыжих волос или покатые плечи, полные ноги, она бежит следом, чтобы выдохнуть счастливое: «Лена!» Не Лена...

Только Лена смогла бы примирить ее с тем, что не случилось чуда. Она бы прижалась к теплому животу и поплакала. Просто немного поплакала и успокоилась бы от волшебной ее руки. Позднее поймет, что Лена сказка. У кого – то Золушка, Снегурочка, Русалочка. У нее Лена. Без сказки в детстве скучно. Другой не было... Отвыкнет! У взрослых другие сказки и игры. Все реже будет всплывать в памяти рыжее, золотое, пушистое. И вдруг, как наваждение, пруд, худенькая школьница с веснушками, которая что – то шепчет кувшинкам, на воде едва держится. Нет дурных мыслей, нет. Просто хочется поучить плавать, чаем напоить. Повторить в причудливом отражении кусочек детства. Она всегда соблюдает с детьми дистанцию, но дрогнет что – то в душе, наполнится теплом и нежностью... Повторить!

Все получилось не так, не так. Девочка смутится, но в дом зайдет и чай выпьет, опустив светлые реснички. Учительница! Как она может отказаться? И вдруг навалится что – то темное, необъяснимое, непреодолимое. Губы задрожат и она попросит девочку поцеловать острый коричневый сок. Школьница станет царапаться. Ее вырвет... Отражение опрокинется. Мелькнет перед глазами искаженное лицо рыжей Лены. Лавиной хлынет стыд. Что – то она будет кричать,

а что и не вспомнит потом. Всю ночь просидит у лесного родника, кусая руки. Не думая ни о чем, чтобы не сойти с ума. Попросить прощения у девочки не решится. Какое прощение? Недостойна. Разве можно было повторить рыжую Лену, простодушную Лену с приветом?

– Это все из – за мальчишек, – подумает она с горечью, вспомнив то смутное, что мучило ее в детстве, когда ночью, украдкой, братья тискали ее и щипали. Смутное было запретным, приятным и стыдным. Взорвалось через столько лет, выползло, как страшный паук. Забыть, забыть... Ах, как не хватало мамы. Мамочки не хватало!

Потом окажется, что и со стыдом жить можно, если постоянно не копать в причинах, если забыться в работе. Он будет уходить в прошлое – тик – так, тик – так... А когда появится Ленечка и струйками побегит молоко из располневшей груди, только это и будет иметь значение, только это. Правда, тогда, пять лет назад, она все – таки спросит у односельчан, зачем приезжала красивая женщина?

– Так и не поняли, – ответит кто – то, – не в себе была Оленька. Про зеркало старое спрашивала. Оно ведь из их дома. Сейчас мода на старину.

Зеркало, зеркало! Так вот оно чье. Она не задумывалась. Подарили и подарили. Беленькая девчушка крутилась перед ним, артисткой, похоже, хотела стать. Крутилась, сияла улыбкой. Вот почему появляется веселый лучик. Впрочем, мистика. Стоит в снях и стоит. Не мешает. Или может, от-

дать кому –нибудь?

Надо жить спокойно. Немолодая... Какие зеркала? Вдруг опять вспомнишь себя семилетней, влюбленной в большую рыжую Лену, и защемит сердце. Или молодой, мечтательной. Мечталось же о чем – то, кроме розового чуда. Принца в мечтах не было. Странно – то как. Что было? Грезы о тихом, солнечном доме на берегу прекрасного моря. О невиданных цветах вокруг дома. О большой рыжей собаке, о смешной черепахе, о полках с книгами, о путешествиях. А главное, о маме, которая ходила бы по дому в красивом платье, целовала бы ее утром и перед сном, пекла бы вкусное печенье и не рожала больше, не рожала. И лучше была у нее только она, Алька. Вот оно ее зазеркалье!

Однажды Леня спросит:

– Ма, почему мы не ездим к твоим братьям и сестрам? Такая большая родня. Это же здорово».

– Далеко, сын, – ответит она, а подумает с горечью: «Чужие. Чего к ним ехать?» Она и с мамой больше не виделась. Только письма, только открытки. Да и нет ее давно. Даже о похоронах не сообщили. На старой фотография маленькая женщина, очень похожая на Аллу в юности. В чем было мамино счастье? Не узнать. Теперь не узнать. И нет, наверное, рыжей Лены, согревающей ее возле большого, теплого живота.

Нет солнечного дома у моря. Но есть вот этот, в деревне, окруженной лесами. Цветов полно в палисаднике. И сча-

стве – сын. Вот придет, и она попросит... О чем же его попросить? Как мало желаний! Желаний мало.

Глава 4. Не жена. Не любовница

Владимир ждет Ольгу возле клиники. Ждет и боится, что опять выйдет заплаканная, растерянная. Сегодня третий сеанс у психотерапевта, которого посоветовал тот самый хороший психолог. Случай – то непростой. Ждет и пытается понять, а ему для чего это нужно? Не жена, не любовница. Ну, помог, увез ее из той деревни. Не в себе была. На грани была. И все, все! Еще – то что? Она ни о чем не просит, сам навязывается.

Ольга появится стремительно, вытирая глаза. Душу словно иголками прошьет. Жалость, нежность? Да кто его знает. Обнять, прижать к себе, убрать со лба дурацкую челку, обцеловать лицо, на котором слегка проступили веснушки. Рывкнуть на весь мир: «Моя!» И никому... Никому! И пошли к черту психотерапевты, детская ее травма. Он бы сумел, она бы с ним ничего не боялась. Но разве реально? Не пустит в свою жизнь. Да и не того ей сейчас.

– Как ты? – спросит он в машине и легонько погладит руку. И снова прошьет душу. Да что же такое – то?

– Не знаю пока, – ответит она, а руку уберет, – врач сказал, что все хорошо. Не будет больше желания отомстить и навязчивые роли уйдут совсем. Я ведь простила и у нее прощения просила. У учительницы!

– Как это? – не понимает он.

– Методика такая. Потом расскажу. Накорми меня сейчас. Только не в ресторане. Купи шоколад, пирожные, вино. Да, и вино красное. И за город. Отдышаться у реки.

Через час деловая встреча, но она же просит. Встречу можно отменить, перенести. Оленька, Оленька... Темная улица, крупные серьги кольцами, взгляд прямой и упрямый. Просьба неожиданная. Разве забудешь? Он ведь никогда крутым и смелым не был. Просто пахал, крутился, а она его выбрала и тем самым возвысила! Душу открыла. Семья у него, две дочки. Жена у него, но сердце вот так никогда не крутило. Оленька, Оленька, артистка конопатая...

– Я мигом, – говорит он, – мигом. Магазин рядом. Ты не плачь только...

Она засмеется:

– Нет больше слез, выплакала.

Выплакала. Врач не останавливал. И было все, как в кино. Два стула напротив друг друга. На одном она, «тринадцатилетняя» Оля. На втором воображаемая учительница, которую ей надо поприветствовать. Ужас какой! Но надо. Не может же она подвести Владимира, он договаривался. Робкое: «Здравствуйте!» Дальше еще хуже, она должна пересесть на стул учительницы, представить, что она не Оля, а та, бесстыжая. И тоже поприветствовать. Вместо «здравствуйте» вырывается неожиданное: «Что тебе нужно, девочка?» И снова Оля на своем стуле, ей надо ответить. Захлебываясь слезами, кричит, обвиняет, ненавидит... Тихий голос врача:

«Пересядь на тот стул, сейчас ты она, попробуй ответить». Отвечать нечего. Нечего! Врач не настаивает, ждет. И снова неожиданное: «Я плохая, испортила тебе жизнь? Что же делать – то?» Что она, Ольга, такое несет? Не может учительница так говорить. Фантастика, сон, гипноз?

– Что хотите, то и делайте, никогда вас не прощу.

Слезы, слезы, слезы... Это был первый, короткий сеанс, а Ольге показался вечностью. Врач еще долго говорил с ней и даже напоил чаем. Поняла, надо простить, отпустить. Человек может совершить ошибку, подлость. Забыть нельзя, на то и память, простить можно. Как? И только на третьем сеансе, когда на стульях сидели взрослая Ольга и та постаревшая тетка, точнее, когда Ольга играла ее роль, диалог был легче, спокойней. И все – таки напряженный.

– Прости меня, – попросила тетка, – не ведала, что творила. У тебя все будет хорошо. Стану молиться за это. Прости!

Ольга в который раз заплакала и с трудом произнесла:

– И вы меня простите. За ненависть. Устала жить, ненавидя вас.

– Протяните ей руку, – сказал врач, – попрощайтесь.

Ольга коснулась воображаемой ладони. На секунду ей показалось, что ладонь дрожит. Она знает, что не будет копаться в психиатрической и психологической литературе, искать эту методику, анализировать, а во всем ли был прав доктор. Главное, чтобы прошлое отпустило, а он это обещал. Она привыкла верить. И Владимиру надо рассказать. Какой за-

мечательный у нее появился друг! Без претензий на интим. Это редкость. Что он так долго в магазине? Очень хочется шоколада. Темного, горьковатого...

Пять лет прошло с того дня. И все эти годы она пишет сценарий. По строчке, по странице... Вот и сегодня пора бы спать, но еще чуть, чуть, еще попытка. Завтра будет некогда. Сценарий так и называется «У пруда». Владимир в деревне тогда посоветовал. Только сил на него не было, даже после сеансов с психотерапевтом. Когда доходила до агрессивного: «Пристрелить, пристрелить эту гадину!», пальцы не слушались, а без этого эпизода многое непонятно. И сейчас он не идет, сто раз переделывала. Муж с дочкой беспокоятся, похудела. Даже готовит муж. И не знает над чем она мучается. Работа и работа... Не рассказывала ему ни о поездке, ни о сеансах. Зачем родного человека напрягать? Он старается для них с дочкой. Устает на стройке, а колдует над ней так же волшебным, как тогда на берегу. И не предавала больше, а ведь чуть было... Тогда, после визита в клинику. Она очень хотела шоколада. Владимир и принес вкуснятины из ресторана. Какой магазин? Она ела из его рук, шутя. Конечно, шутя. Друзья же! Потом, как наваждение. Фейерверк ощущений, мурашки по всему телу. Не отпускать, почувствовать его... Он опомнился первым.

– Не надо, Оля. Потом жалеть будешь. Я не хочу тебя терять.

– Дурак, – прошептала она раздраженно, – женщине не от-

казывают.

– Иногда отказывают, – сказал он спокойно, – ешь шоколад.

Ольга била его по щекам. Не отворачивался. Сел в машину и уехал, а она добиралась на частнике. Через неделю встретил с розами. Хотела рассердиться, пройти мимо, но услышала веселое «артистка конопатая» и рассмеялась. Да, пять лет назад это было. Иногда обедают вместе. Иногда просто едут за город и молчат. Иногда он приходит на спектакли молодежной студии, для которой она написала несколько удачных композиций. Сценарий не получается, а композиции легко. Коллеги удивляются, с чего бы вдруг?

– Кто он? – спросит однажды муж, – любовник? Но так нельзя. Не думаешь о том, что мне больно, что разрушится семья. Ответь честно. Я не заслужил вранья.

– Успокойся, – ответит она, – любовь это у нас с тобой, а он друг. Бывают такие отношения у мужчины и женщины. Редко, но бывают.

Вот и со сценарием ей без Владимира не обойтись. Посоветовал, пусть помогает. Еще страницу, еще ломтик шоколада и спать, спать. Муж погладит по спине, она расслабится. И забудет обо всем на свете. Но пока не легла в постель, надо позвонить Владимиру, на минуточку. Завтра надо обязательно посоветоваться. Завтра...

– Может, ну его этот сценарий, – разозлится Владимир, – дергаешься, осунулась. Ты повторяешь то, что уже отпусти-

ла давно. Посоветовал я, но ситуация была экстремальная. Отпустила, слышишь, Оля!

– Значит, что – то осталось и это меня беспокоит. Почитай текст. До «застрелить» все экспрессивно, логично, а дальше не могу написать ни строчки, понимаешь?

Она говорит, объясняет, волнуется, а Владимир смотрит с нежностью и думает, что изменилась Оленька. Исчезла ровная челка, светлые волосы вольно легли на плечи. На лице забавная россыпь веснушек, не борется больше с ними. Роли не придумывает. Юрист успешный. Смеяться любит. А вот на сценарии зациклилась. Так бы и сказал: «Хорошая моя, скажи, как тогда, что хочешь меня». Не скажет больше. Надо принимать то, что есть. И помогать.

Ольга занает по – детски:

– Шоколада хочу. Все время хочу. Ты захватил?

Разве он мог забыть? Всегда с собой возит.

– Ешь, сценаристка! Я вот подумал, может, тебе придумать судьбу этой учительницы? А то ведь только пруд, твои роли, желание мести и мужчина, к которому ты обратилась за деньгами. Однобоко. Судьбы этой тетки не хватает. Вдруг тогда все было случайностью, наваждением. Лукавый попутал. Бывает.

Ольга посмотрит на него изумленно:

– Ты прав. Надо судьбу. Эпизод с пистолетом, агрессией оставлю на потом. Какую мы ей придумаем судьбу, а?

Он осторожно коснется светлых прядей.

– Это ты сама реши. Потом расскажешь.

Прошьет иголками, опять прошьет. Не видется с ней, что ли? Но тянет, как в омут. Тянет! И выхода нет. Но если еще раз, хоть намеком, захочет его почувствовать, он взорвет свою сдержанность. И пусть будет, что будет. В плен взяла артистка конопатая. Захватчица! Мужа любит. Он его видел, простой мужик, до сих пор на велосипеде ездит. Не красавец. Обычный мастер на стройке, зарплата копеечная. Разве поймешь женщин? Пусть пишет свой сценарий. Он порадуется, если получится.

Ольга расстроится. Не у кого больше спросить.

Разве что у дочки.

– Лара, я хочу написать историю про девушку, которая совершила злой поступок, обидела девочку. Интересно, что у нее было за детство? Вот думаю, представляю. И ты подумай, ладно?

Тринадцатилетняя дочка крутится перед зеркалом, рисует Ольгиной помадой губы, кому – то невидимому улыбается. Вопросу не удивляется. Мама ведь всегда была выдумщицей. Что ей ответить? Может, про сказки вспомнить?

– Мамочка, в детстве ее заколдовали и она выросла плохой, злой, всем пакостила, потом пришел прекрасный принц, поцеловал ее и все изменилось, как в сказке, да? Ты хочешь сделать ее хорошей?

– Не знаю пока, но эта сказка мне точно не подойдет. Надо что – то ближе к реальности. Поразмышляй. У тебя это

хорошо получается.

– Мама, да чего думать? Пусть это будет девочка из детского дома.

– Может быть, дочка, может быть. В этом что – то есть.

Ольга лепит судьбу учительницы вдохновенно. Над замкнутой, похожей на цыганку, девочкой смеялись, отбирали еду. Она убегала в лес, ее искали. Ее наказывали. Не было ни одного человека, который бы приласкал, успокоил, рассказал добрую сказку. Только юная воспитательница украдкой давала иногда конфету. Но этого было мало, мало! Хотелось прижаться к теплой, уютной маме. Она дала себе клятву, что когда вырастет, маму найдет... Найдет! И нашла, но мама оказалась алкоголичкой и дочь не признала. Потом голодное студенчество, влечение к женщинам, деревня, ненавистные ученики. Попытка соблазнить школьницу. И одиночество, одиночество, которое рано превратило ее в старуху.

Запал кончится неожиданно. К финалу нужно было что – то особенное. Ну и пусть эта «судьба» отлежится, решит Ольга. Пусть посмотрит Владимир. Владимир обязательно! А новые идеи придут. Кстати, судьбу можно в начало. Эпизод с соблазнением повторить. Работы еще много.

Владимир удивится:

– Разве это судьба той тетки? Написано хорошо, но что – то не совпадает. И банально. Уж прости.

– Я тебя сейчас побью, побью, – не выдержит Ольга, – я старалась, искала ей оправдание, а ты все испортил. Тоже

мне специалист.

– Побей, – согласится он и подойдет ближе, – только она не детдомовская. Почему – то мне это понятно. Интуиция подсказывает.

Ольга попытается стукнуть кулачком по его плечу, но он перехватит руку. Прикоснется к губам, нежным, без косметики.

– Нет, – скажет она жестко, – нет! Никаких наваждений. Лучше помоги мне.

– Снова деньги на машину нужны? – съязвит он и пожалеет, потому что она уходит, уходит... Стремительно!

– Лелечка, – услышит она взволнованное, – я знаю, к ней надо съездить.

– Лелечка? – изумится она про себя, – не артистка конопатая. Может, влюбился? Надо обернуться.

Он стоит растерянный, вытирая лицо ладонью, беззащитно, как ребенок.

– Поедем, – скажет она тихо, – спасибо тебе за все.

В ночь перед отъездом приснится тусклое старинное зеркало в красивой резной раме, а в нем лицо учительницы, еще молодое, яркое, и ее, Ольгино.

– Мы здесь почти сверстницы, – скажет учительница, – но ты меня никогда не поймешь, а объяснять долго. Есть картина неизвестного художника, называется «Бабочки». Наши судьбы, как танец этих бабочек. Переплелись в отражениях. Ты найди. И в зеркало это загляни.

На секунду мелькает веселый лучик, а лица исчезнут.

Глава 5. Ленечка

Ленечка выйдет из машины. С улыбкой посмотрит на окна родного дома. Полдень. Мать, конечно еще на работе. Звонить ей не будет, сделает сюрприз. Достанет подарки. Разложит по пустым полкам холодильника продукты, которые привез. Экономит мамочка, хотя он уже на своих ногах. Сварит борщ из тушенки, достанет веселую скатерть, простенький сервиз с голубыми ободочками. Нарвет в палисаднике цветов. В доме сразу станет уютно, запахнет теплом. Он скучает по этому теплу в суетливой Москве. Как он скучает! Но разве расскажешь матери. Спать не будет.

Встречать пойдет по тропинке, которую она любит. Тропинка бежит среди сосен. Здесь тихо, немного сумрачно, чуть, чуть волшебно. С девушкой бы сюда на свидание. Ленечка улыбнется невольной мысли. И увидит, что мать стоит возле старой высокой сосны, поглаживая шершавую кору.

Мамка его золотая, хорошая. Он вдруг вспомнит, как они бегали вдоль берега наперегонки и она делала вид, что не может его догнать. Верил, брал за руку и виновато спрашивал: «Устала?» Она кивала, хитро щурилась и ложилась на песок. Волны набегали на тело, чистые лазурные волны, а он боялся, что унесут в море. Каждый раз боялся. Еще вспомнит, как она распускала косу. Черные тяжелые пряди падали на плечи, на спину. Ими играл ветер. Она смеялась, си-

яли глаза... Черные цыганские глаза. Подхватывала Ленечку на руки, шептала смешные ласковые слова и он снова боялся, потому что на нее смотрели мужчины. Мужчины с нахальными глазами. Это была только его Алла, самая лучшая мама на свете.

Каждое лето море, музеи Москвы, Питера, Ярославля... Мамка его золотая! А была ли у нее личная жизнь, роман какой – nibудь? Или, страшно подумать, любовь? Страшно! Ведь если была, ей приходилось скрывать от него, ревнивого, боязливого. Он и об отце не спрашивал. Однажды сама сказала, когда подрос: «Случайная была встреча. Не думай об этом». Вот и не думал... Ленечка осторожно подойдет к сосне, мать обернется, ахнет, прижмется к нему. У него на глаза навернутся слезы. Как же она постарела. Почему раньше не замечал? Оболтус!

Она померяет обновки, платье теплого брусничного цвета, бежевый плащ, яркую косынку, скажет тихо: «Зачем трагился? Все у меня есть». Ленечка возьмет за руку и подведет к старинному зеркалу. Хоть и тусклая лампочка, а рассмотреть можно. Алла Юрьевна увидит себя нарядную, полную, но все еще статную. Улыбнется.

– Лучик мелькнул, видел?

– Не видел, – растеряется Ленечка и подумает, что здесь его просто не может быть. Одинок матери, вот и чудится разное.

– Я вижу, когда подхожу, – Алла Юрьевна погладит его

непослушные волосы, – отражение. Не мое! Человек вглядывался в себя, радовался, мечтал. Необыкновенную судьбу колдовал. Зайчики солнечные плясали.

– Выброшу это зеркало завтра же. Лучики, зайчики, отражения, с ума сойти. Не пугай меня, мама.

– Жизнь это, сын, – вздохнет Алла Юрьевна, – многое в судьбе переплелось. И у каждого свое зазеркалье. Моего лучика в этом зеркале нет. Чужое оно, а выбросить не могу. Вдруг хозяйка вернется.

– Что твое в этом зазеркалье? – спросит Ленечка и почувствует тревогу.

– Грех мой, – ответит Алла Юрьевна, – тебе не надо знать. Грех лучиком не мелькает. Виновата я перед хозяйкой. Впрочем, мистика. Пойдем чай пить.

Ленечка долго не сможет заснуть. Несколько раз выйдет в сени. Посмотрит в тусклое зеркало, никакого лучика не увидит. Придумала мать. И грех... Какой у нее может быть грех? В деревне все на виду. Он в этом доме жил восемнадцать лет. Уютно жил, защищенно. Ах, мамочка золотая! Забрать в Москву, да и все дела. Квартира съемная, но он постарается, свою купит. Переводчик, три языка знает. Зарплата достойная.

Алла Юрьевна заснет сразу, а утром подумает вдруг, что надо рассказать Ленечке о девочке той конопатой, о Лене рыжей, о том, как тосковала по худенькой, вечно беременной маме. Чего стесняться? Сын умный, добрый. Рассказать, что-

бы грех не потянулся за ним. Жить со стыдом привыкаешь, но как он отразится на судьбе самого родного человека, разве она знает?

У нее дрожат руки, а в глазах смятения нет. Нет его! Рассказывает спокойно, словно не о себе. Не все, не все! Незачем ему знать о розовом чуде. Ленечка в который раз кипятит чайник, пьет кофе, молчит, только изредка бережно гладит седые материнские волосы. Где вы, черные тяжелые пряди? Не от этой ли истории поседели? Просто – то как. Рыжая Лена, Лена с приветом, не ведая, чувственность разбудила в маленькой Альке. Не только привязанность и любопытство. Не только! Уютно было засыпать у большого теплого живота, под теплые касания руки, но ведь айсберг. Потому и о Принце на белом коне не мечтала, а тосковала о ворохе рыжих волос, покатых плечах. То, что братишки тискали и щипали, ерунда это. Он тоже не раз щипал одноклассниц. В пятом целовался в раздевалке. Ну и что? Многие ребята так делали. Девчонки потом шептались, хихикали, записки бросали, дураками обзывались. И никаких драм. В Альке, мамочке его, бродило смутное. Желание запретного бродило... Что она, глупенькая могла понять? Взорвалось, спустя годы. Поманила Лена из детства и накрыло мутной волной.

Рыжая Лена была нужна, не школьница, но разве поймешь, когда все смешалось, себя не помнишь? Бедная мамочка. Бедная школьница... Страдала, должно быть. Одно отражение легло на другое. Трудно разъединить! Лучше бы

девочка забыла эту историю. Выкинула из головы. Он не специалист, но соображает. Все случилось до его рождения, а он, подрастая, не замечал, чтобы мать ходила печальная, тоскливая, с тайной. Летел сквозь время счастливый и беззаботный. Какие тайны, когда жизнь прекрасна?

Знала бы мамочка, как нынче легко все и просто. Как изменены отношения и сильны желания запретного. У многих! Ни стыда, ни боли душевной. Не надо ей знать об этом. Помочь бы...

– Не осуждай, сынок, – голос у Аллы Юрьевны срывается, – а стыд я спрятала глубоко. Жила тобой да работой. Не презирай.

Что она такое говорит? Как он может осуждать? Тепла материнского не хватало маленькой Альке. Что там с другими детьми, не знает. Может, не такими ранимыми были. Съездить бы надо. Познакомиться, на могиле бабушки побывать. Без матери сначала.

Прошлое, прошлое... Как повезло ему! Только радость и мечты в его зазеркалье. Мамочка постаралась. И он осуждать?! Впрочем, лет десять назад, подростком, воспринял бы такое откровение иначе, мучился бы сомнениями, страдал, но не сейчас. Леня целует ее руки, узловатые, тяжелые. Какой роман, какая личная жизнь? Вся любовь, весь первый душевный цвет достались большой рыжей Лене. Потом, наверное, только случайное, без страсти и без полета. Он, Ленечка, увел ее из плена рыжей Лены, заменил все. Добрая, навер-

ное, была девчонка, эта Лена. Дурочки все добрые. Ах, мама! Судьба заманила к кривому зеркалу. Отражение его где – то там, в старинном, из чужой жизни. Господи, да что же такое? Проще надо, проще. Свихнуться можно, а это старинное, облезлое все – таки выбросить или соседям отдать, чтобы перед глазами у мамули не мельтешило.

– Знаешь, я думаю, тебе надо встретится с той женщиной, прощения попросить. Сбросить чувство вины, – Ленечка смотрит на мать с жалостью и надеждой, – легче станет, желания появятся, ты ведь у меня не старуха древняя.

– Приезжала она в деревню пять лет назад. Заходила ко мне. Хотела я извиниться, да не успела. Сколько ненависти во взгляде было. Как поедешь?

– Если ненависть столько лет, значит страдала. Тем более надо поехать. Точку поставить на этой истории.

– Артисткой хотела стать. В деревне рассказывали, что любила перед зеркалом Наташу Ростову играть.

– Стала артисткой – то? – спросит Ленечка и почему – то поймет, не стала. Кто – то легко забывает обиды, а у кого – то незаживающая рана. Особенно, если мечты не сбылись. Ехать надо. Адрес у деревенских найдется.

– Боюсь я, Ленечка, – вздохнет Алла Юрьевна, – а вдруг не поймет.

– Это уж ее проблемы, – ответит сын, – главное твое «прости».

Все казалось, мальчишка, подумает Алла Юрьевна, а он

мужчина. Гордится надо! И красивый. Волосы пшеничные, глаза серые, губы жесткие. В отца. Давно не вспоминалось то лето. И вдруг! Надо же.

Ехать надумают следующим утром, на Ленечкином серебряном жигуленке. В небольшой город на Волге.

Доберутся к вечеру. Снимут номер в гостинице. Уставшая Алла Юрьевна ляжет отдохнуть, а Ленечке захочется взглянуть на город. Он ему понравится. Уютный, чистый, в кружеве зелени. С куполами церквей. Невольно будет вглядываться в названия улиц. Завтра состоится встреча. Завтра, но лучше знать заранее, куда идти. Вот и дом. Женщину зовут Ольгой. Может, зайти? Предупредить, а то, как снег на голову. У нее, наверное, работа, семья. Время надо выкроить для разговора. Зайти! Какая может быть неловкость?

Дверь откроет беленькая девочка с россыпью веселых веснушек. Мать говорила, что такой была школьница. Дочка, значит. Еще одно отражение. Запутается он скоро.

– Вы к маме или к папе? – приветливо спросит девочка и он сразу поймет, счастливая, потому что не боится открыть дверь. Дружелюбна и, наверное, мечтательна. Летит беззаботно сквозь время...

Как жаль – то, что Ольга в командировке на целых два дня. Нет, папа ему не нужен. Разговор не с ним, с мамой. По работе? Конечно, по работе. И ждать некогда. Ему через день нужно быть в Москве.

– Из Москвы? – ахнет девочка, – я так ее люблю! Я так

мечтаю...

– Стать артисткой? – перебьют Ленечка и улыбнется. Он так и думал, еще одно отражение.

– Не угадали, – серьезно скажет она, – я мечтаю побывать во всех музеях. Во всех, а была только в Третьяковке.

Ах, какие озорные веснушки! Пусть ей повезет, пусть она увидит все самое лучшее в мире. И никакого черного зазеркалья! Только светлые лучики...

– Лара? Очень красивое имя. А я Леонид Федорович. Жаль, не увиделся с мамой.

И вдруг его осенит. Попросит бумагу, ручку и, не задумываясь, напишет: «Ольга, помните пруд, учительницу? Это моя мама. Простите ее. За этим она ехала к Вам. Не встретились, к сожалению, а, может, так назначено. Жизнь умнее нас. Мы уезжаем утром. Оставляю визитку. Будет желание поговорить, звоните. Встретимся и я о многом Вам расскажу. Очень хочу, чтобы она пожила спокойно, без стыда. Возможно, Вы все давно забыли. Был бы рад этому. Никогда не думал, что судьба заведет меня в такую странную историю. Кто – то должен поставить точку. Пусть это буду я. Мама очень хороший человек. Ошибки бывают у каждого. Простите нас, Оля. Да, что делать с Вашим старинным зеркалом? Я бы выбросил. Сколько можно хранить отражения прошлого? Кстати, и пруда больше нет. Лужа... С уважением Леонид».

– Как же так? – не поймет Алла Юрьевна, – письмо, это

не глаза в глаза.

– Вот так, – отрежет Ленечка, – заказывай разговор со своими училками. Берешь отпуск и в Москву. Опера тебя заждалась. Я по тебе скучаю, а прощения мы с тобой попросили. Сто раз не просят.

– Мы с тобой? – Алла Юрьевна закроет ладонями лицо, – мальчик мой...

Глава 6. Зеркало

Странный сон. Опять учительница. В старинное зеркало просила заглянуть. Картину какую – то найти. Ах да, «Бабочки». Ну его, этот сон. Вот прижмется сейчас к мужу, проведет языком по теплым его губам и никуда не поедет. Позвонит на работу, возьмет отгул. Уговорит мужа остаться дома. Проводят в школу Лару. Будут нежиться, откроют вино. Нежиться... Слово – то какое! Вечером сходят вместе с Ларкой в театр. Не поедет! Зачем ей эта встреча? У нее в сценарии почти все сложилось. Финал никуда не денется. Время не пришло. Не поедет!

– Оленька, – голос у мужа бодрый, – завтрак готов. Вставай, соня.

Она тянется к его губам, но вдруг, словно душ ледяной... Как это она не поедет? Все решено. Владимир уже ждет. И что там у нее сложилось? Судьбу надо. Потом, потом будут нега, вино и свечи. Мужу с дочкой сказала, что командировка. Верят. Не надо им знать правду.

– Лар, – просит уже от порога, – покопайся в интернете. Картину «Бабочки» поищи. Неизвестный художник. Только в записи мои ни ногой.

– Ни ногой – то, мамуль, точно, – смеется Лара, – приедешь и с вас комп.

– Уговорила! – бормочет Оля уже за дверью, – мой лучше

не трогать.

Они долго едут молча от какой – то вдруг внезапной неловкости. Не говорят ни о сценарии, ни об учительнице, ни о том, что нового в городе. Ольга лишь изредка наливает чай из термоса и слышит лишь сдержанное: «Спасибо». Молчание, музыка, аромат духов, тихое дыхание. Ее тонкая рука с ярким маникюром. Его тяжелые плечи. И плывут, плывут навстречу белоснежные облака. И пробегают мимо нежно – зеленые поля, перелески, березы, ели. И вдруг она плачет. Он останавливает машину.

– Ты что, малыш? Ну, хочешь вернемся? Без судьбы этой тетки обойдемся...

Ольга вытерт слезы о его плечо.

– Я совсем не об этом. Время быстро летит. Еще лет десять и я буду стареть, потом дряхлеть, представляешь? Страшно! Первый раз об этом подумала.

Он смеется:

– Так и я буду. Жизнь это, Оленька. Время тик – так, тик – так. Это момент, посмотри лучше какие васильки.

– Какие васильки? Это цветет лен.

– Цветущий лен? Только в кино видел. Окунуться бы в это голубое море.

– Попробуй, – все еще всхлипывает она.

– Вместе, Оля, вместе, а? – в зеленых глазах волнение.

Смятение, смятение. Она же все понимает, сама хотела когда – то. Может, раз в жизни и случится – то этот волшеб-

ный лен. С мужчиной, таким уверенным! Искушение. Какое же оно сладкое. И он... Что же он так волнуется? Капли пота на лбу. Любит? Да быть такого не может. Она столько ему о себе рассказала. Никакой тайны. Из пруда вытаскивал, тиной заляпанную. Истерики ее видел. Друг! Вовка, Вовка, что же мне с тобой делать? А не думать...

Они лежат на теплой земле, среди цветущего льна. Продолговатая ладонь крепко держит ее руку. И плывут, плывут белоснежные облака. Все они видели. Волшебную, как радуга, нежность. Острую, как молния, страсть и снова нежность.

– Молчи, – говорит Ольга, – только молчи. Ни одного слова!

– Одно, Оленька. Одно! Люблю...

Как и пять лет назад, она в машине уснет, а он будет думать, что же теперь делать? Она не уйдет из семьи и он своих бросить не может. Редкий цветок эта женщина. Противоречивая, импульсивная. Эгоистка порой. С авантюризмом, эпатажем, доставшимся в наследство от ролей. И не так уж красива, если убрать косметику, а все – равно цветок. Женщина, созданная для него. Как быть – то?

Ольга проснется, когда они будут подъезжать к деревне и, как будто не было голубого поля, попросит буднично: «Ты мне напомни, чтобы в зеркало старое посмотрела». И расскажет о сне, о странном желании учительницы.

– Напомню, только глупости это. Умойся, кстати. Заспанная, смешная такая, – голос дрогнет от нежности. Дрогнет,

а он сделает вид, что закашлялся.

В деревне скажут, что уехала Алла Юрьевна на две недели в Москву, с сыном. Ольга изумится:

– У нее и сын есть? Надо же. Может, она еще и замужем? Подумать только.

– Оля, Оля, – шепнет Владимир, – что ты несешь? Опомнись.

И, правда, чего это она вдруг? Простила же. Поговорить бы. Не о пруде, не о депрессии. О жизни, о детях. По – доброму. Непросто это, да уже и не получится. Значит свыше не назначено. Со сценарием придумает что –нибудь.

Они останутся у хозяйки бывшего родного дома.

– К Алле Юрьевне – то зачем, Оленька? Или учила тебя?

– Учила немного, – соврет Ольга, – к встрече одноклассников готовимся, воспоминания пишем. Может, вы что – то особенное о ней расскажите. Странной она тогда была. Или нам, соплячкам, казалось?

– Какие странности, Оленька? Душевная, работает много. Сын замечательный, любит ее очень. Личная жизнь не сложилась, так бывает.

Не все, не все, подумает Ольга, о том, что со мной случилось, никто не знает. Усмехнется.

– Смуглая очень. Не цыганская кровь – то?

Анна Павловна посмотрит на Ольгу с удивлением. – Тебе, Оля, какие воспоминания нужны? Это больше на сплетни смахивает. Ты меня даже не спрашивай.

– Не беспокойтесь, Анна Павловна, – прервет Владимир, – Оля просто устала. Найдем возможность встретиться с Аллой Юрьевной, еще раз приедем. Вот отдохнуть бы немного, а Оле молока дайте да горбушку хлеба побольше. Всю дорогу мечтала.

Чего он вмешивается? В деревне все друг о друге знают. Как же, поедет она еще раз! Вот набегут деревенские и она тихонько расспросит. Отдыхать он собрался. О молоке позаботился. Да она его терпеть не может. Издеватель! Намекнул, чтобы молчала.

Владимир принесет из машины две коробки с гостинцами и уйдет спать на сеновал. Ольга покраснеет: «Надо же! Догадался, не с пустыми руками к ее землякам ехал. А она... Что она? В голову не пришло. Ну, не пришло». За веселым чаепитием, с песнями, не посмеет спросить об учительнице. Будет петь вместе со всеми, выпьет ликера. О дочке расскажет. О том, что такая же беленькая, с веснушками, как она в детстве, отличница, в музыкальной школе занимается. Муж? Хороший муж. Спать почему рано забрался? Так устал, дорога длинная. Не скажешь, что друг. Не поймут. Анна Павловна неожиданно вспомнит:

– Ленечка, сын Аллы Юрьевны, зеркало хотел выбросить, а она не дала. За ним, мол, еще хозяйка приехать может. Оленька, а оно ведь ваше. Помнишь, старинное? Любила ты перед ним артистку изображать. Заберете?

Зеркало, зеркало... Вот оно у кого. Вот почему сон. Знала

учительница, чье. Колдовала, наверное, на нее, чтобы молчала. Потому тосковала и мучилась. Страшно – то как! И голова кружится. Где этот Владимир? Оставил ее одну. Пойдет и разбудит, разбудит...

– Оленька, ты чего побледнела? – испугается хозяйка, – иди отдыхай. Постель удобная, под пологом. Зеркало завтра посмотрим. Я за домом приглядываю, у меня ключи, а мы еще посидим. Стол уж очень хорош. Не жадный мужик у тебя.

– Не жадный, очень даже добрый, – пробормочет она и разозлится, – вот разбудит сейчас этого мужика и подушкой отлупит, чтобы знал, как с женщинами себя вести.

Приоткроет краешек полога. Увидит, что спит, как ребенок, положив под щеку ладонь. Вздохнет: «Не позвал. Какая любовь? Порыв... С головой – то что? Кружится, кружится. Выпила дурочка много». Найдет одеяло, ляжет прямо на ароматное сено, укутавшись с головой. Проплывут в полусне волны голубого поля. Лен? Васильки? Рядом, под пологом, друг с продолговатыми, сильными ладонями. И нестрашно уже... Нестрашно!

– Спишь и спишь, – скажет жалобно на рассвете, – озябла, иди ко мне.

Скажет и замрет от прикосновения властных рук. И услышит приглушенное: «Люблю!», как там, на упругих стеблях цветущего поля.

В дом учительницы зайдет с волнением. Бережно про-

ведет ладонью по резной раме зеркала: «Ну, здравствуй!» Всмотрится в тусклую глубину. Там ее счастливое зазеркалье, радость, восторг, мечты, ведь жизнь так многое обещала. Вот сегодняшнее ее отражение: стильные джинсы, яркая туника, бейсболка на светлых волнистых волосах. Успешная и красивая. Любимая и любящая. Жизнь обещала больше... Не надо, не надо гневить Бога, опомнится вдруг, судьба подарила много хорошего. Но мужа опять предала. Предала мужа! Порыв и природа... Какая любовь? Благодарность еще. Если бы не Владимир, так бы и страдала навязчивым «не сбылось», придумывала роли. И, наверное, пристрелила бы учительницу. Впрочем, зачем об этом зеркалу знать? Не за этим пришла.

Учительница во сне сказала, что судьбы и отражения переплелись. Судьбы понятно. Лучик с чем переплелся? Ее, Олин, лучик, веселый, радостный. Представила рядом лицо молодой учительницы. Сначала смеющееся, а потом... Да ведь она плакала, навзрыд, и все повторяла: «Что я надела, мамочка?» Маму звала и кого – то еще. Неужели ей было стыдно, как она с этим жила? И уж точно не было злобы и колдовства, иначе бы сын вырос другим. Колдовство – то вообще чушь. Вчера себя накрутила. Яркий детский лучик счастья и стыд вот что переплелось. Отражения! Не будет она разбираться в чужой жизни. Не надо судьбу, сценария. Иначе поступит, даже если совсем неправа.

Всмотрится в тусклую глубину и скажет: «Я тебя прости-

ла! Забудь свой стыд. Все в прошлом, не надо туда возвращаться».

– Оля, ты с кем разговариваешь? – всполошится Владимир. Здесь никого нет.

– С учительницей, – ответит она тихо, – не будет сценария. Не хочу. Ни к чему он.

Сердце его замрет от жалости. Фантазии, эмоции, впечатлительность. Как она умудряется быть прагматичной на работе? Оленька, Оля... Девочка дорогая.

Ольга пройдет в палисадник, сорвет три крупных ярких цветка. Найдет в доме стеклянную вазу, поставит букет на стол.

– Завянут, – огорчится Анна Павловна.

– Вы меняйте, их здесь много. И передайте: «От Оли». Она поймет. Зеркалом пусть сама распорядится. Так лучше.

– Так лучше, – повторит в дороге и замолчит.

Он будет вспоминать лен, аромат сена, полог, страсть, которую ни с чем не спутаешь, ее податливую беззащитность. И нежность. Нежность, которая без любви невозможна. Подумает, что за счастье это надо благодарить жизнь, а Оленьку, артистку конопатую беречь, не отпускать от себя и будь что будет.

– Знаю, о чем думаешь, – скажет она наконец. – Мы с тобой черту перешли. Прежних отношений уже не вернуть, а быть любовницей я не хочу.

– Мужик никакой? – рявкнет он, – плохо со мной было?

– Хорошо было, как никогда, потому и не хочу. Все поломаем, разрушим. Ни твои, ни мои нас не простят. Забыть все надо.

– Можно не ломать, тысячи людей так живут, Оленька.

– Пусть живут, а если я захочу быть женой, как тогда?

– Ну и станешь. Ты захоти только. Все решаемо. Решают же люди. Захоти!

Она погладит его ладонь, попросит остановить машину. Проголосует, сядет в зеленую копейку... Он доедет до поля с цветущим льном, найдет то место, где не мог оторваться от ее тела. Ляжет на теплую землю и долго будет смотреть на белоснежные облака.

– Мамуль, – мы так и знали, что ты приедешь сегодня, – обрадуется Лара, – хочешь чай с мятой? Серая, грустная. Но сначала в душ.

Конечно, в душ, но не смыть с тела ароматы сена, теплой земли. Не забыть тяжелые плечи. Думала, порыв. Убеждала себя: «Какая любовь?» А любовь...

Наплачется, сядет на кухне, нальет чай. Примчится Лара с письмом от какого – то Леонида. Прочитает, задумается. Значит она приезжала. Как интересно совпало. Два человека спешили друг к другу, чтобы встретиться и сказать «прости». Не встретились! Значит так надо было. Прощение в душе, в письме, в букете цветов... Да мало ли еще где. Может, на небесах, возле самых звезд. Не будет сегодня об этом думать.

– Мамулечка, – засмеется Лара, – я все – таки одной ногой... Понимаешь? Классный сценарий. Правда, папа почему – то расстроился. Ты нас не ругай, ладно?

Ольга на секунду замрет, попытается улыбнуться, подойдет к окну. И посмотрит на небо. Лара что – то будет рассказывать о «Бабочках», а она и не услышит. Завтра, все завтра.

Глава 7. Лара

Визитка старая. Семь лет назад Ларе дал ее Леонид из Москвы. Леонид Федорович... Молодой человек с прямыми светлыми волосами, черными лохматыми ресницами. Красивый! Она восторгалась тогда. Из Москвы же! Мама положила визитку в стол и, похоже, не позвонила ему, а он предлагал встретиться, многое рассказать. Лара ничего не поняла из письма, которое он оставил. И не спрашивала. Зачем? Взрослые дела.

Потом родители ссорились, что – то все выясняли, мама плакала в ванной, отец уходил ночевать к другу. Лара переживала. Она была виновата. Влезла в мамины записи, прочитала невероятную историю про школьницу, учительницу, Владимира. Оказывается, мама писала сценарий. Она так и сказала отцу: «Мама талант. Ты почитай, почитай. Вот снимут фильм по сценарию, и она станет знаменитой». Папа не хотел читать. Лара уговорила. Он читал и бледнел.

Мама взволнованно объясняла:

– Это все вымысел, фантазии. Деньги не просила, никакого Кости не было. Историю про учительницу и девочку подруга рассказала. И не мучилась из – за того, что не стала артисткой. Роли не придумывала. Не обо мне это, не обо мне! Творчество, понимаешь? Имею право.

Лара верила. Это не может быть о красивой, веселой

и доброй маме. Она бы не пошла просить деньги у незнакомого мужчины. У нее не могло быть романа с каким – то Костей. Подумаешь, придумала! Все писатели так делают, не о себе же они романы пишут. Ну, может, и о себе, но чуть, чуть. Папа горячился, кричал:

– Ничего не понимаю! Вот же он твой богатенький Владимир! Главный герой. Даже имя не сменила. Как только могла? Уверяла, что просто друг, хороший знакомый.

– Что ты к нему привязался? Вымысел. Просто имя удачно вписалось в текст. И вообще это только наброски истории, наброски... О женщине, которую в детстве пытались соблазнить. Не доверяешь мне, я уйду. Хоть сейчас.

Лара жалела их и себя. Как она будет жить, если расстаться? Все хорошее закончится. Нет, она не позволит! Папа взволнованно что – то еще говорил. Мама устало сидела в кресле. Лара сузила глаза и сказала: «Если вы еще будете ругаться, я стану самой плохой девчонкой в мире. Или выпрыгну из окна. Да!» В доме стало тихо. Ей угождали, дарили подарки, ей улыбались. Оба!

Лара понимала, боятся наркотиков, дурных компаний. Фигушки! Никаких наркотиков. Из окна тоже прыгать не будет. У нее есть цель. Университет, журналистика, Москва! Сравнивала себя со школьницей из сценария и думала, что не стала бы из – за ненормальной училки страдать и мечту предавать. Она бы вообще всем рассказала. Не будет наркоманкой, а они пусть боятся. И не думают разводиться...

Тихо было в доме. Тихо. Сценарий папа из компьютера удалил. Правда, Лара успела переписать текст в толстую школьную тетрадь. Интересно же! Вот помирятся и, может быть, мама допишет эту историю. Плачет украдкой, на небо часто смотрит, а чего на него смотреть? К зеркалу подходит, рассматривает себя. Хорошенькая, только морщинки у век. И бледная, бледная. Не румяной же быть, если тошнит. Лара все замечает. Нервы, а что еще? Встала как – то рядом у зеркала, поправила светлые волосы, задорно сморщила нос.

– Какие же мы похожие, да, мам? Даже веснушки один к одному. Но я никогда раскисать не буду.

– Только внешне похожи, – сказала Ольга, – ты другая, будешь сильнее меня и мудрей. Это хорошо.

– Хватит, мамулечка! Папа тебя любит, точно знаю, а сценарий я в тетрадь переписала. Допиши и будешь звездой.

– Да, кому он нужен? Просто был момент.

– Допиши. Мне интересно.

– Может быть, – Ольга прижалась к Лариному плечу, – если душа запросит, дочка. Если запросит...

– Запросит, не запросит, чего ждать? Написала бы, отправила в издательство. Проще простого. Как же у взрослых все сложно.

Тихо было в доме, тихо, но однажды отец пришел с букетом белых роз, осторожно обнял Ольгу.

– Все, Оля, устал я. Мало ли что бывает в жизни. Простим друг друга, но прошу тебя, не пиши больше ничего такого,

тяжело очень.

Лара стояла за дверью. Ждала, что ответит мама, а сердце замирало, замирало... Мама ничего не ответила и Лара стремительно открыла дверь. Хотела крикнуть, что когда принесут розы, это любовь. И нечего молчать! Розы лежали на столе. Мама стояла спиной к окну и прижималась щекой к ладони отца... Давно это было. Лара уже выросла, студентка, будущая журналистка. Мечты сбываются. Москва прекрасна... И не терпится, ну не терпится издать мамин сценарий.

Визитка старая, а Ларе нужно найти этого Леонида. Он давно в Москве, у него знакомые, связи. Не получается с издательствами. Мама оказалась права, сценарий никому не нужен. Имя неизвестное. Сюжет хромает. Лара не знает, что в нем не так. Не читала! Маме обещала не заглядывать, но с собой увезла. Странная все – таки мама. Как будто, чего – то боится. И дописала совсем недавно, после поездки во Францию. С папой... Конечно, с папой и шестилетним Максом. Вот так! Братишка у Лары есть, а они разводиться хотели. Хорошо она их тогда напугала. Брат родился слабым, недоношенным, но выходили же... Выходили! Как же мама над ним дрожит! Она вообще стала другой. Мягче, равнодушной к внешности, имиджу. Чертенята в глазах не прыгают. Свет в окошке Максим. Папа доволен, добродушен и весел. О том, что мама дописала сценарий, не надо ему пока знать. «Не будите спящую собаку!» – так, кажется, говорят.

Да, визитка старая, но она Леонида найдет, посоветуется.

С кем еще? Не с девчонками же с факультета, не с преподавателями, которым не нравится острый ее язычок. Не факт, что Леонид заинтересуется, но почему не попробовать?

Не так уж и сложно оказалось найти. Лара ахнет: «Вот молодец! Частную школу открыл с изучением четырех языков. Наверное, важный, но и она не стеснительная». Поедет к нему сразу после занятий. Не запишется на прием, не позвонит предварительно. «Назначено!» – уверенно скажет секретарю, войдет без стука и выпалит с порога:

– Я Лара! Здравствуйте. Вы совсем не изменились, Леонид Федорович. Боялась, что не узнаю.

Положит на стол старую визитку. Он посмотрит на посетительницу с удивлением и вдруг улыбнется.

– Лара, которая мечтала посетить все музеи Москвы и мира? Как быстро летит время, уже взрослая, а мама твоя так и не позвонила.

– Зато я объявилась, – засмеется она, – помощь нужна. Только сначала бы кофе и бутерброд, если можно. Ужас, какая голодная!

Лара будет пить ароматный кофе, попросит еще бутерброд. Потом достанет папку со сценарием.

– Это мамино творчество, но мне везде отказывают. Вы прочитайте. Может, у вас есть знакомые в издательском мире. Очень интересно, честное слово.

Леонид поскуцнеет, Лара поймет, что откажется. Скатится по щеке слезинка, а он неожиданно развеселится.

– Веснушки слезами смоешь. Давай – ка еще кофе, а я посмотрю. Серьезно сегодня читать некогда.

Через час он оторвется от рукописи и тихо, волнуясь, попросит:

– Ты иди, Лара. Я тебе позвоню, оставь номер.

Лара уйдет, а он закрывает лицо ладонями. Закончилась ведь эта история с прудом, зеркалами, стыдом, страданиями. Почему вдруг сценарий? Да и не сценарий это, повесть. Что там Ольга задумала? Не надо это публиковать, не будет он никого просить. Мать живет спокойно, еще работает, хоть и болеть стала. Он так ее любит. Но и Лара свою тоже. Настырная, добьется своего. Задумано – то что? Дочитать надо, а дела отложить.

Приезжала Ольга, он знает. Порадовался тогда за мамочку и за нее. В деревне говорили – с мужем была, а вот и нет. Оказывается, поездка совпала с романом и каким красивым. Солнце, белоснежные облака, цветущий лен и двое на теплой, огромной земле. Всех на свете и все простишь. Любовь!

Имена не изменены и как открыто она обо всем пишет. О расставании на дороге с любовником, о скандале с мужем. Оправдывается и лжет. Не о себе? Как же! Докопался бы муж, Лара вмешалась. Может, не надо было. Живет во лжи. Ребенок от той любви. Муж, который поверил. Она что, с ума сошла? Выбросить этот сценарий, пока не случилось трагедии.

Кстати, а с другом что? Бизнес продал, уехал с семьей

в Питер. Не виделись больше ни разу. Грусть – то какая, с ума сойти: «Там, в поле, он обещал мне Париж. Я смеялась: „Враль!“ Ему нравилось это шаловливое слово. Там он назвал меня любимой, а я сделала вид, что не слышу. Сопротивлялась нежности в себе, слегка капризничала, но разве легко убежать от любви?»

Какая необычная история, подумает Леонид, какая странная женщина! Возможно, странности были бы и без встречи с мамой. Разве поймешь? Кстати, в таких и влюбляются со всей страстью, даже если это губительно. Почему? И как тяжело читать эти строки о друге, который будет звонить иногда, чтобы сказать: «Ты мне снишься, Оленька». Но она промолчит. Не скажет о сыне. У судьбы свои игры, все решено.

Но однажды в Париже, куда приедет с мужем и сыном, затоскует по тяжелым плечам, по потрясенному: «Люблю!» Ничто не будет радовать, а через неделю узнает, что его больше нет... Найдет то поле, но уже без васильков и цветущего льна. Сядет в траву, посмотрит на облака и подумает, что теперь уж он точно не увидит, как она будет стареть, а она не услышит нежное: «Оленька, ты мне снишься».

На этом сценарий (или повесть) закончится и будет ощущение, что в душе звучит печальная тонкая мелодия. Жалость, поймет Леонид, боль за чужую судьбу, которая состоялась так причудливо и нелепо. И ничего Ольга не задумала. Писала сценарий не для того, чтобы опубликовать. Выплес-

кивала все, что мучило. От того и дочке читать не разрешила. Личное! Тайное, начиная с детства.

– Лара, – позвонит он, – мать просила издать или это твоя идея?

– Моя, – ответит она, – я читала начало в тринадцать лет, – уговаривала дописать. Она не хотела. И вдруг! Попросила спрятать и не читать.

– Значит и не читай. Потом, потом, когда станешь мудрой. Она писала для себя. Не надо издательств. Поверь мне.

– Почему я должна вам верить? Просто не хотите помочь.

– Мы с тобой светлые отражения нескольких сложных судеб. Лучики ясные. Давай это сбережем, – скажет он то ли шутя, то ли серьезно, – завтра встретимся и я тебе кое – что объясню. Рукопись пусть останется у меня. На время. Хочу перечитать.

– Хорошо, – согласится Лара, – только меня надо будет покормить. Иначе ничего не пойму.

Отражения светлые, лучики... Значит есть мрачные. Тайна! Не надо, не надо. Не будет она читать. Ей бы мир увидеть. Мир, загадочный и прекрасный. Ей бы влюбиться. Ой, да чего мечтать? Все что назначено, сбудется, а сейчас кофейку, пирожное, хорошую музыку и звонок маме. Забыла, забыла! Она же «Бабочек» отыскала. Говорить об этом маме или уже не надо? У Леонида завтра спросит.

Глава 8. Бабочки

Рыжее, золотое, пушистое... Откуда такое чудо? Девушка высокая. До пояса густые рыжие кудри. Чувственный рисунок сочных губ. Глаза волшебные, карие с томной поволокой. Упругая грудь, крупные соски сквозь тонкую ткань топа. Никакого лифчика. Красиво! Покоя не будет, если в такую влюбишься.

Леонид отводит взгляд. Нет, он не хочет влюбляться, ревновать, думать каждую минуту об этих самых сосках. У него работа, легкие романчики, у него мама. Волшебные глаза стрельнули в его сторону. Почему – то печально. Играет плутовка. Что она заказала? Рыбу, апельсиновый сок, десерт. Простенько! И ест смешно, непосредственно, без ножа. Руки без маникюра, тоже крупные, а красиво. Не смотреть, не смотреть! Сейчас придет Лара. В этом уютном ресторанчике он назначил ей встречу. Надо хоть что – то из той истории объяснить, чтобы не носилась больше со сценарием. Задерживается девочка, а у него не так много времени. И какое же наваждение – притягивает взгляд чертовка рыжая. Что – то напоминает. Солнечное, пахнущее хвоей, детское, счастливое. Не вспомнить! Может, потом.

Она пройдет мимо и Ленечка не выдержит, спросит, волнуясь:

– Как русалку зовут?

Обернется, скажет протяжно и просто:

– Инга.

От теплого бархатного голоса перехватит дыхание, он ничего не успеет сказать, она уйдет. Бывает же, заволнуется он! Ничего, через час, два забудет. Не надо ему такую сказочную. У него работа, мама. Мама, работа, путешествия. Ну, не поцелует эти губы, не зароется в ворох рыжих волос, не почувствует, как напрягаются крупные соски. И всего – то, всего – то...

– Лучик ясный, ты в каком измерении? Стою, стою возле тебя, говорю, говорю. Ничего, что на «ты»?

– Лара, Ларочка! Хорошо, что пришла. И на ты, так на ты. Я еще молодой.

– Накормить обещал. Мамулиных пирогов не хватает, вот и голодная.

Он только сейчас ее и рассмотрит. Не до того вчера было. Тоненькая, гибкая, с уверенным взглядом. Что же ей рассказать? Главное, не ранить.

– Лара, ты выбирай. Здесь вкусно кормят, а я кофейку покрепче. Устал.

Она посмотрит внимательно и серьезно.

– Вижу, что не в себе. В другой раз расскажешь.

Как сто лет знакомы, удивится он, понимает с полуслова, не стесняется. Влюбиться бы вот в такую, с которой просто, легко и мило. Юная, без комплексов.

– Мамину тайну я знать не хочу. Передумала. Выползет

какой – нибудь монстрик и все в жизни перевернет. Оставь сценарий у себя.

Не Ольга, нет! Совсем другой характер. Стебелек хрупкий, но только внешне. За «я» свое держится крепко. Не Ольга с ее рефлексиями, эпатажем. Не Ольга, которую он знает только по сценарию, но представляет так живо.

– Лара, ты когда – нибудь разговаривала с зеркалом? О своем отражении, о будущем? Судьбу разглядеть пыта-лась?

– Вот уж не думала, что ты мистик. Зеркало и есть зеркало, чего с ним разговаривать?

Не Ольга! И слава Богу. Светлая девочка, которая дру-желюбно открыла ему однажды дверь. Что такое – то? Пе-ред глазами рыжее, пушистое, золотое, причудливо изогну-тые губы. Вошла бы сейчас... И все, все! Не отпустил бы. Где теперь ее искать?

– А – у – у, Леонид Федорович, – засмеется Лара и про-тянет салфетку, – у тебя лицо мокрое, здесь душно. Лучше посидим у фонтана. Надо кое – о чем спросить, а за обед спасибо. Я тебя, кажется, разорила.

Смех у Лары звонкий, серебристый. Колокольчик! У кол-дуньи рыжей – другой. Он не слышал, но знает. Мягкий, при-глушенный, как солнечный свет в лесу. Как счастливый стон любви на рассвете. Лара, Ларочка... Лучик ясный! Спасибо, что рядом.

Художник, у которого Лара видела работу «Бабочки» жи-

вет в Тушино. Леониду ехать не хочется. Далеко, пробки, но эту девочку обижать нельзя. Почему – то нельзя, он чувствует. Чушь какая – то. Давно, перед поездкой к его матери, Ольге приснилось, что Алла Юрьевна просит в старое зеркало посмотреть и работу эту найти. Сон же, а Лара искала. Может, Ольга забыла давно. Какие «Бабочки», если совсем другая жизнь? Если дорогой человек умер...

– Лара, а маме твоей это надо сейчас?

– Не знаю, у тебя хотела спросить, рассказывать ей или нет? А работа очень красивая. Непонятная, правда. Ты разберешься.

Ну, ну, это значит художник? Юнец. Впрочем, глаза умные. Мастерская – огромная. Что он творит, смотреть некогда. Потом как –нибудь. Потом.

– Автор, кстати, известен, – говорит парень, – это женщина. Очень талантливая. Отец покупал ее работы, не глядя. Она очень рано ушла. А вот и «Бабочки».

Возле тусклого зеркала две женщины очень близко друг к другу. Изумительно легкие фигурки, в профиль. Высокие шеи. Изящный узор воздушных шляпок, скрывающий волосы. И волны кружева. Черное с белым. Пена летящей ткани. Бабочки!

– Обалдеть, да? – шепчет Лара, – потрясающая графика.

– Конечно, потрясающая, – соглашается Ленечка, – еще мгновение и эти создания улетят от тусклого зеркала... К солнцу. Вон как играет ветер с черно – белыми туниками.

– Вы думаете, это две женщины, две бабочки? – усмехнется художник, – взгляните на руки, на полет кружева. Магия движений. Почти мистика. Женщина одна и ее отражение. Рука, которая держит краешек туники, не позволяет взлететь, как бабочке. Сильная рука, когда все остальное изящно, хрупко, летяще. Художница писала подругу, которую чем – то пугало прошлое. И сделала это с загадкой. Она умела.

– Художница москвичка? – спросит Леонид.

– Нет, из провинции, но это значения не имеет.

Имеет, имеет. Это же Ольга. Если так нарядить Лару, будет точь в точь. Но причем здесь его мама? Сон – то Ольгин! Подсознание выдало. Кстати, она могла и не видеть эту работу, хотя знала, что подруга фантазировала... Тушью! Пршлое отпустило перед зеркалом в деревне, но был полет с другом под белоснежными облаками и новая ловушка – страсть! Лара ничего не понимает. И хорошо. Пусть любит-ся. Надо эту работу купить.

– Ты с ума сошел? Две тысячи долларов! Придем, когда захочется увидеть этих прелестниц. Не знаю, зачем они были нужны маме. Блажь! Она вообще тогда странной была. Блажь!

– Есть еще одна, из этой же серии. Отец бы не продал, но его нет, а мне нужны деньги. Посмотрите?

Конечно, посмотрят. Женщина лежит на спине, упираясь ладонями в землю. Разбросаны волосы, лицо без единой черты. Пустое! А над ней веселые желтые языки огня и много

больших шаров. Что это? Странная аллегория. Женщина может не подняться, упасть. Не выдержат напряженные руки.

– Роды, – объяснит художник а Леонид подумает, что эти шары, пламя, этот космос не могут иметь отношения к Ольге. Художница умерла раньше. Может, предвидела? В сценарии нет ни слова о художнице, о подруге, которая была бы посвящена в тайны. Скрывала? Возможно, это совсем не те «Бабочки?» Впрочем, действительно, какое это теперь имеет значение?

– Еще две тысячи? – в глазах у Лары недоумение и ужас.

– Это подарок Ольге, от меня и моей мамы, в память о подруге. Кстати, как ее звали? Нина. Очень красивое имя.

В машине Лара придет в себя, насмешливо спросит:

– Ты случайно не влюбился в маму, читая сценарий?

Ах, Лара, знала бы, как жаль женщин, которые все путают и путают в своей жизни, видел он таких. И мамочка напутала. И влюбился, влюбился. В другую! В рыжее, золотое, пушистое... Знакомое. Стоп! Рыжая Лена из Алькиного детства. Вот почему аромат леса, смолы, земляники. Как много на свете похожего и загадочного, непреодолимо зовущего.

– Ау! – Лара теребит его за руку, – ты почему остановился? Нам сигналият.

Конечно, сигналият. Они же не знают, что с ним творится, они же не видели эту из сказки. Лара, Ларочка, вот ладонь. Держи ее, девочка, крепче.

Глава 9. Инга

Забыть, забыть плутовку рыжую! Взять отпуск недели на две. Уехать к морю, с мамой, она так давно нигде не была. Школа без него не развалится, преподаватели и ученики не разбегутся. Все отлажено. В волны, в волны! Вода смывает все. Очнуться прежним, легким, уравновешенным. Лучиком ясным. Не идеален, есть грешки, есть, но по мелочи. Ларе понравилось так называть, пусть называет. Вот взять и жениться на ней, детей нарожать. Доченьку обязательно, чтобы бантики, куклы. Нравится Лара. Есть в ней что – то родное. А пойдет за него? Тринадцать лет разницы! И вообще, может, любит кого – то. Вот завтра и спросит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.